

18+

Елена Касаткина

ФРИКЕН БОК

Ироничные рассказы

Елена Касаткина

Фрикен Бок. Ироничные рассказы

«Издательские решения»

Касаткина Е.

Фрикен Бок. Ироничные рассказы / Е. Касаткина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505891-1

В сборник вошли реальные истории людей, поступки которых часто вызывают улыбку, а то и смех у окружающих. Оглянитесь, они рядом: милые, добрые, немного глуповатые, немного странные. Они похожи и не похожи на нас, они не хуже и не лучше, они другие.

ISBN 978-5-00-505891-1

© Касаткина Е.
© Издательские решения

Содержание

Странные люди	6
Проводили	6
Конфуз в зубодёрке	9
Как рассорились Светка с Маринкой	12
Спирохета	14
Прелести третьей рисочки	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Фрикен Бок

Ироничные рассказы

Елена Касаткина

Преподаватель русского языка и литературы МАОУ СОШ им. героя Советского Союза
С. П. Шпунякова Субота Галина Владимировна, г. Великий Новгород *Корректор*

Благодарности:

Работник культуры Иванова Светлана Анатольевна, г. Великий Новгород

© Елена Касаткина, 2024

ISBN 978-5-0050-5891-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странные люди

Проводили

Котька Дрищев, как и всякий настоящий мужик, любил выпить. Напивался он нечасто, ну как нечасто – пару раз в неделю, так что лыка не вязал. В остальные дни он не пил, а употреблял. Свою норму знал – не больше половины «поллитры». Употреблял Котька, как правило, дома, а вот напивался обычно в компании сотоварищей – Федьки Зелепукина и Вадьки Железобетонова. В компании норма увеличивалась до размеров «пока лезло». Лезло почти всё, что содержало хоть какое-то количество спирта. Желудок у Котьки будь здоров! Выдерживал и денатурат, и «тормозуху», и всякую прочую химию. Тем непонятней было случившееся.

Весь вечер они пили. Повод был самый что ни на есть уважительный – Вадька Железобетон уезжал на Север на заработки. Ну как уезжал – собирался. В серьёзности намерений сомневаться не приходилось, Вадька демонстрировал мохнатую шапку, купленную на рынке у сурового коренастого мужика, один вид которого вселял уверенность – северянин. Правда, на переезд нужны были деньги, а Вадька временно не работал. Ну как временно – где-то полгода, с тех пор как выгнали с работы за беспробудное пьянство. Но перед трудностями пасуют только слабаки, а Вадька, несмотря на щуплый вид и впалые щёки, таковым не являлся. Вадька был оптимист, а это как нельзя лучше свидетельствовало о силе его духа.

– Ну и пошёл он... к такой-то матери, – махнул, как отрезал, Вадька, получив на руки последнюю зарплату. Кого конкретно он имел в виду – для друзей осталось загадкой, так как расспрашивать товарища, берeditь его раны было жестоко. Понятно же, человек переживает, хоть и не показывает виду.

Друзья Вадьку поддержали и обмыли начало новой жизни. Пили тогда не что попало, а настойку боярышника. Аптекарьша Зина, осуждающе качая головой, отсчитала двадцать бутылочек:

– Это лекарство для сердечников, больному человеку помочь может, а вы...

– А нам что? Не поможет, что ли? Не видишь, у человека сердце болит? Неприятности у него. И у нас за друга тоже... – парировал Котька, заслужив уважительный взгляд товарищей.

Конечно, боярышником в тот раз дело не закончилось, хотя попытка и была, но вредная Зинка наотрез отказалась продать им ещё партию лекарства в долг. Добирать пришлось огуречным лосьоном и тройным одеколоном, который Федька выгреб из шкафчика своей престарелой матери. Мать Федьки всегда держала стратегический запас «на случай войны». Тройной одеколон у Степаниды Федосовны был средством от всего, им она лечила всё. Ну как всё – кое-что она лечила керосином, но пить керосин Федька побаивался.

Каждый вечер перед сном женщина натирала одеколоном больные ноги, укутывала потрёпанным ватным одеялом и чувствовала себя абсолютно здоровой – старый артрит отступал перед непробиваемой уверенностью женщины в чудодейственной силе тройного одеколona. К слову, одеколоном лечила Степанида Федосовна и свою старую подслеповатую собаку. Закапывать одеколон в глаз собаке она не решалась, но лапы натирала так же, как и себе, регулярно. Слепая собака резво скакала по двору на всех своих четырёх здоровых лапах, натываясь то на садовый инвентарь, то на пробегающую мимо курицу. Впрочем, к случившемуся это никакого отношения не имеет.

Пару месяцев Вадька ждал, что завод начнёт разваливаться и начальник цеха сам прибежит его умолять вернуться. Конечно, он гордо скажет «нет» и выставит жалкого человечешку за дверь – будет знать, как ценными специалистами разбрасываться. Но время шло, противный начцеха так и не приходил, а жить на что-то надо. Пришлось податься в грузчики, больше

всё равно никуда не брали. А ведь когда-то Вадька мечтал стать гинекологом. Друзья откровенно ржали над его мечтой, но цель у Вадьки была благая, он хотел помогать женщинам, а не на голые 3,14ськи смотреть, как думали товарищи.

– Устроюсь и вас к себе заберу, – уверял Вадька, приглаживая мохнатую шапку из лисы. Шапка была большой не только по внешним габаритам, но и по размеру. Она всё время съезжала на лоб, торчащие в разные стороны жёлто-чёрные ворсинки лезли в глаза, но Вадька не снимал шапку даже в помещении.

Вадькино предложение Константину Дрищеву понравилось. Котельная ему надоела до чёртиков, больших денег не приносила, почти вся зарплата успевала закончиться за неделю до следующей выплаты. Котька лентяем не был, нет. Наоборот, парень он рукастый, может слепить из чего угодно стоящую вещь. Это, собственно, и помогало ему протянуть какое-то время до аванса. Вот на днях, например, сосед Абрам Израилевич Венецкий, решившийся наконец переехать на свою историческую родину, выбросил на помойку старый поломанный пылесос и ещё кучу полезных вещей, включая шёлковые, расшитые бордовыми цветами покрывало и наволочки. Всё это добро почти тут же перекочевало к Котьке домой. Весь день он латал, мыл, привинчивал и отвинчивал всё, что в этом нуждалось, чтоб придать вещам приличный товарный вид и на следующий день отнести на барахолку. Котька был поцелован Гермесом, продать мог всё что угодно. Правда, за небольшие деньги, но всё же...

Вот и на этот раз ему удалось сбыть с рук весь выброшенный скарб Венецкого, окромя двух расшитых наволочек. Даже пылесос, у которого в шланге у самого наконечника зияла приличная трещина и всасываемый воздух вылетал со свистом уже в начале своего пути, и тот удалось всучить какому-то ушлому прощельге. Прощельга долго осматривал сам прибор: открывал защёлки, вынимал мешок для пыли, разматывал путаный клубок провода, особенно тщательно осмотрел вилку. Всё время, пока привередливый покупатель искал повод сбросить и без того бросовую цену, Котька крепко держал шланг у основания насадки, огромной лапшей прикрывая трещину.

– Ладно, бери за полтинник, – великодушно уступил Котька и быстро засунул шланг в изодранный пакет.

Оставшиеся бесхозными шёлковые наволочки подарил Виолетке Сидоркиной. А что, Котька парень щедрый, а Виолетка ему давно нравилась. Впрочем, и это к случившемуся никакого отношения не имеет.

Мороз на улице стоял настоящий, январский. Проводы решено было устроить у Федьки в сарае. Денег на водку даже в складчину не хватало.

– Лан, я проставляюсь, – заверил Вадька и плюхнул на ящик пятилитровую пластиковую бутылку с омывайкой. Пустые баночки из-под томатного соуса заменили стаканы.

– Надо бы чем-то закусить, – Федька оглядел сарай, но ничего подходящего не узрел. Ну не соломой же в самом деле занюхивать.

– Вот, – Вадька долго копошился в кармане и наконец выложил на ящик батончик «Сникерса». – Мировой закусон. На сдачу всучили позавчера. Специально занюкал, как знал.

На пробу «Незамерзайка» оказалась не очень, но шоколадный батончик вкус прилично скрашивал. Когда же поделенный на тонкие пластинки «Сникерс» закончился, им уже было всё равно. Где-то после третьего литра Котьке поплохело. Ну как поплохело? Внутри странно побулькивало и рвалось наружу, но опозориться перед друзьями не хотелось.

Котька икнул и через силу скомандовал:

– Наливай. Не тяни.

Первым отрубился Федька. Довольно мужественно допив с друзьями четвёртый литр, он на мгновение застыл, как будто раздумывая над дальнейшей перспективой своего пребывания здесь, и без всякого предупреждения рухнул, как Берлинская стена, на деревянный настил пола.

– Слабак, – заключил Котька, всячески подавляя настырное желание блевануть голубоватой жидкостью себе под ноги. – Наливай.

Пятый литр допивали на автомате. Торопились оба. Тошнота набирала обороты, и первым не выдержал Вадька. Допив последний стакан, вернее банку, он тут же сполз с пластиковой катушки, которая служила ему сиденьем, и, встав на карачки, выпустил фонтан мутной серой жидкости.

Странно, но картина унижения друга каким-то мистическим образом повлияла на Котьку. Его вдруг перестало тошнить, а в теле образовалась удивительная лёгкость. Он поднялся и на ватных ногах поплёлся домой. Это было неизменное Котькино правило: сколько бы ни выпил, он всегда возвращался домой. И доходил. Переступив порог, он тут же отрубался и мог проспать в предбаннике до самого утра, но всегда при любых обстоятельствах ночевать он приходил домой.

Нет, что-то явно было испорченным, видимо, «Сникерс», который всучили Вадьке на сдачу и который пролежал в его кармане целых три дня, был просроченным. Иначе с чего бы это его так подкосило. Где-то на полпути у Котьки потемнело в глазах, и он без чувств рухнул в сугроб. Сколько он так пролежал, теперь уже никому не ведомо, но под утро мимо заиндевевшего тела проезжала скорая. Водитель, заметивший на обочине чёрный свёрток, не сразу распознал в нём человека и хотел уже было проехать мимо, но глазастая медсестричка заставила притормозить.

Члены бригады, оставив без присмотра помирающую в машине старушку, минут пять пытались привести Котьку в чувство: щупали пульс, подносили к носу зеркальце, отодвигали веки, светили в глаза фонариком, но всё было бесполезно, тело никаких признаков жизни не подавало. Водитель и врач за ноги дотащили Котьку до машины и с трудом забросили его внутрь салона. За то время, пока сердобольные врачи, исполняя свой долг, колдовали над Котькой, разбитая инсультом старушка благополучно померла.

– В морг, – устало скомандовал врач, и «Скорая» во всю прыть понеслась по заснеженным улочкам городка, оставляя за собой клубы выхлопного пара.

Очнулся Котька через сутки. Он не сразу открыл глаза, какое-то время собирался с мыслями. Последнее, что ему удалось вспомнить, был Вадька, стоящий на четвереньках и изрыгающий незамерзайку. Тело казалось раздавленным, будто его сплющило бетонной плитой. Или могильной?!

Котьке стало страшно. Ещё ему стало холодно. Затрясло. Где же он? Котька стянул с головы простыню, открыл глаза и огляделся. Вокруг него на сверкающих металлом кушетках, словно коконы, лежали свёртки. Из каждого наружу торчала синюшная человеческая ступня с привязанной марлевым жгутиком к большому пальцу биркой.

Точно такая же бирка болталась на пальце и у Котьки.

Конфуз в зубодёрке

Больше всего на свете Виолетта Сидоркина боялась стоматологов. Она хорошо помнила то время, когда в школьный двор въезжал похожий на гигантскую капсулу автобус, прозванный детьми «Зубодёркой». На проверку состояния полости рта (так официально было объявлено директором) водили строем. Увильнуть от осмотра никому не удавалось.

Огромная капсула внутри была напичкана аппаратурой, один вид которой вызывал у всех без исключения школьников панический ужас. Даже сейчас Виолетта с содроганием вспоминала серо-жёлтый пробиваемый сквозь замутнённые окошки свет этой пыточной камеры.

Каждую очередную жертву встречали врачи, которые мило улыбались, широко обнажая свои сверкающие глянцевой эмалью зубы. Зубы приковывали к себе внимание и казались ненастоящими. Виолетта не сомневалась, что врачи надевают фарфоровую челюсть утром, а на ночь кладут в чашку со специальным раствором, который и делает их такими идеально белыми. Точно так же поступала бабушка Вера, правда, зубы она клала в чашку с водой из-под крана и на вид они были серыми. Но на то они и врачи, чтобы иметь специальный секретный раствор.

Как только Виолетта садилась в кресло, врач откидывала белую простынь, под которой в рядочек лежали пыточные инструменты. Стальные приборы угрожающе торчали изогнутыми крючками вверх, нацеливаясь на Виолеттин рот. Но самым страшным было не это, а то, что находилось рядом с врачом. Бор-машина пугала уже одним своим названием, а звук, который она издавала, мог сравниться...

Вызывающие ужас воспоминания прервались адской болью. Болеть начало ещё неделю назад, но Виолетта была оптимисткой и в надежде, что «само рассосётся», прополоскала рот содой. Наутро то, что должно было рассосаться, увеличилось в два раза. Язык нащупал гладкую поверхность разбухшей десны, при нажатии на которую вся левая сторона челюсти цепенела от боли. Обнаружив на дне старой коробки из-под обуви, которая счастливо избежала участи быть отправленной на помойку и продолжала свою жизнь в качестве аптечки, пожелтевшую от времени таблетку анальгина, Виолетта разделила её на две части и приложила спасительное средство на воспалившийся зуб. На какое-то время боль отпустила, и Виолетта с облегчением вздохнула. Радость была недолгой, на следующий день объём десны и боль, которая оттуда исходила, продолжили нарастать. Оставалось последнее спасительное средство – заговор, его она вычитала в книжке у Донцовой. В чудодейственную силу заклинания Виолетта не поверила, но на всякий случай переписала себе в тетрадку. Зачитав нужный текст над стаканом воды, она с надеждой выпила заговорённую жидкость, и о чудо – колдовство подействовало!

Два дня зуб не подавал никаких признаков прогрессирующего недуга, и Виолетта стала подумывать, а не заговорить ли ей, таким образом, ещё и мозоль на пятке, как вдруг внутри десны что-то дёрнуло, и острая боль пронзила всю черепную коробку. С той минуты пытка уже не прекращалась ни на секунду. Виолетта обречённо набрала номер регистратуры и, шепелявя одеревенелым языком, промямлила в трубку свою фамилию.

– Завтра, на два часа, – коротко ответили на другом конце и отключились.

Ну, завтра так завтра. Боль не утихала, но мысли о предстоящем посещении стоматологии отвлекали, и терпеть было легче. Фантазии рисовали в голове Виолетты красивого белокурого дантиста, похожего на Бреда Питта, который, загораживая собой спящий поток кандел направленного в рот светильника, склонит к ней своё заинтересованное лицо.

Для Виолетты Сидоркиной посещение стоматолога было событием серьёзным, по степени важности сравнимым чуть ли не с выходом в свет. Врачей она не любила, боялась, а потому уважала. Про Бреда Питта, конечно, загнула, но к предстоящему посещению решила отнестись со всей серьёзностью – натопила покрепче баньку и отправилась вечерочком попариться.

Мясистое распаренное розовое тело жадно впитывало в себя терпкий запах дубового листа. Самосвязанный веник Виолетта загодя опустила в чан с кипятком минут на десять, чтоб засохшие веточки обмякли и испустили свой дивный дух. Эх, жаль, некому ей веничком да по спине пройтись. Виолетта с удовольствием отхлестала себя по бокам, бёдрам, по плечам насколько достала, вытянула ноги, замахнулась... Рука с растрепавшимся веником замерла на полпути к расплющенной на лавке ляжке. Из нежно-розовой кожи ног наружу пробивалась буйная растительность. Раньше Виолетта не обращала на чёрную поросль внимания, зимой под колготами всё равно не видно, но на дворе стоял дивный месяц июнь.

Ноги были главным достоинством Виолетты. Широкое луновидное лицо ей не нравилось, толстые щёки и курносый нос казались малопривлекательными, плюс ко всем недостаткам сквозь жиденькие волосья пробивались растопырки ушей. Нет, красивой её назвать нельзя даже с натяжкой. Ну, раз лицом не вышла, то остаётся фигура. Фигурой Виолетту Бог не обидел, разве что грудь была чересчур большой. «Вот это вёдра!» – всплеснула руками портниха, снимая мерки. К четырём метрам уже купленного шёлка пришлось докупать ещё два, но потраченных денег было не жалко, выпускное платье получилось всем на зависть.

Каждое утро, проклиная свой девятый размер, она словно тесто впихивала грудную мякоть в лифчик двумя размерами меньше, всё ещё надеясь таким способом хотя бы внешне уменьшить дородность выпуклостей. Выпуклости сопротивлялись и выскакивали наружу в самый неподходящий момент. Противоборство продолжалось уже много лет. Чтобы не попасть в очередной конфуз Виолетта носила вещи с неглубоким вырезом, считая недостатком то, на чём сделала состояние Памела Андерсон. Ну что ж, с грудью, конечно, перебор получился, зато ей достались красивые стройные ноги с тонкими щиколотками, округлыми коленками и упругими икрами. Конечно, объектом внимания стоматолога служит рот, но мало ли чем может закончиться это посещение? Всегда надо быть во всеоружии.

Виолетта нащупала на полке рядом с мыльницей завалившуюся бритву. Последний раз она брила ноги в конце августа прошлого года, когда ходила с Котькой Дрищевым в кино. Грузный косолапый парень вонял чесноком и совсем не нравился Виолетте, но других кавалеров поблизости всё равно не наблюдалось, а отношений хоть каких-нибудь хотелось. В тот раз побрилась она не зря, Котька весь фильм хватал её за коленки. Для приличия она отбрасывала настырную руку, удовлетворенно думая о том, что не зря готовилась.

Виолетта намылила ноги и, слегка нажимая бритвой, прорисовала чистую гладкую полоску от щиколотки до колена. Полюбовалась на перламутровый перелив кожи, сняла с лезвия срезанные волосики и прочертила точно такую же полоску на левой ноге. В этот момент свет неожиданно погас. Чтобы выяснить, в чём дело, надо было одеться. Ноги пришлось брить на ощупь. На ощупь пришлось и мыло смывать. Виолетта окатила себя из ведра холодной водой, так же на ощупь завернулась в халат и вышла из бани.

Ночью зуб разболелся не на шутку. Боль сверлила не только нижнюю часть лица, но и, словно червячок в яблоке, прогрызла туннель аж до самого виска. Промучившись полночи, Виолетта встала ни свет ни заря. В зеркало на неё глядело чужое перекошенное лицо. Щека раздулась, под глазом образовался отёк.

Город утопал в медовом аромате и в гулком жужжании пчёл. Баба Вера утверждала, что Богородица, спускаясь на землю, отдыхает на липе – именно на ней она когда-то сушила пеленки Христа. И еще Виолетта знала, если в пути застанет гром и молния, то прятаться лучше всего под огромной кроной липы. Считается, что молния никогда не ударяет в это дерево.

Прикрывая носовым платком припухлость щеки, она дёрнула стеклянную дверь поликлиники и ощутила удар совершенно другого букета ароматов. Яркий специфический душок карболки почему-то напомнил «художку». Так же пахла открытая баночка с гуашью, в которую она макала колонковую кисточку.

Противная тётка в стеклянном окошке регистратуры долго мучила её вопросами, заполняя «путевой листок» и не обращая никакого внимания на искривленное болью лицо пациентки.

– Сто первый! – выкрикнула наконец мучительница и протянула исчирканный мелким зигзагообразным почерком талон.

Потом было долгое ожидание на обтянутой дерматином скамье, где, плотно прижимаясь друг к другу, сидели точно такие же корчащиеся от боли люди. Каждый чувствовал себя, как узник перед расстрелом. Было страшно. С одной стороны хотелось уйти, с другой, чтобы поскорее привели приговор в исполнение. Каждый шёл в кабинет, как на эшафот, обречённо прощаясь взглядом с теми, у кого ещё оставался шанс встать и, со словами «да гори всё синим пламенем», гордо уйти. Просидев полчаса около двери, издающей ужасающие звуки сверления и стонов, Виолетта уже готова была именно так и поступить, ей даже казалось, что зуб перестал болеть. Она помяла пальчиком щёку – нет, в самом деле, не болит, но в этот момент из-за двери раздалось требовательное:

– Сидоркина!

От неожиданности Виолетта подскочила и, поскользнувшись, влетела в кабинет носом вперёд. О чудо! На фоне голубого неба, заглядывающего в прорези приподнятого жалюзи, на неё смотрел он... Бред Питт! Такими же голубыми, как и небо, глазами.

Не помня себя от счастья, Виолетта павой, кокетливо покачивая бёдрами, обошла кресло и медленно, держа спину в струночку, опустилась на мягкое сиденье. Развернувшись вполоборота, грациозно прислонилась к спинке, оттолкнулась каблучками, съехала в углубление кресла и (почти как Шерон Стоун) вскинула ноги вверх, красиво уложив их на мягкую опору, приковав взгляд Бреда Питта и блондинистой медсестры к своему главному достоинству.

Выбритую в темноте перламутровую кожу ног снизу вверх расчерчивало кривое междурядье густых волосяных зарослей.

С тех пор Виолетта ноги не брила, а, собираясь к врачу, неизменно надевала брюки.

Как рассорились Светка с Маринкой

Светка с Маринкой почти родственники. Причём двойные. Почти – потому что не кровные. Двойные, потому что муж Маринки – родной дядя Светке, муж которой – родной брат Маринки. Как так получилось, объяснить сложно, так же, как понять, кто кому кем теперь приходится.

Несмотря на двойное родство, судьба не раз то разводила Светку с Маринкой в разные стороны, почти за тридевять земель, то вновь сводила в одну точку места проживания. Характеры у двойных родственниц разные, даже можно сказать диаметрально противоположные, и потому взаимоотношения складывались не всегда гладко, но почти родственные связи и время рано или поздно снова сводят их вместе, а тут уж деваться некуда, надо дружить.

Несколько лет назад всё та же насмешница-судьба не без участия в этом деле Светки вновь объединила две родственные семьи под одним серо-голубым небом старинного города ныне именуемого Великим Новгородом. Хорошо, когда родные, пусть и почти, люди живут рядом. Это и помощь, и поддержка. Как говорится, и в горе, и в радости. . . Ну а ежели праздник какой, то тут тебе и совместные застолья, и, конечно же, подарки. А как известно, кого любим, тому и подарки соответствующие.

Совместных празднеств у двух семейств много, то у одного день рождения, то у другого, а тут ещё и всякие международные, типа восьмых марта и двадцать третьих февралей. Хоть каждый день празднуй, хоть каждый день подарки получай. Вот именно из-за подарков и нашла коса на камень.

Ссора эта случилась хоть и неожиданно, но вполне закономерно, так как вызревала давно. Так бывает, однажды запавшее в душу семя разочарования пускает корни и удобряемое постоянно накапливаемым раздражением рано или поздно прорастает скандальчиком. Так случилось и у Светки с Маринкой.

Вначале беседа была вполне себе мирной и дружелюбной, поговорили об успехах детей, посетовали на отсутствие давно желанных для потенциальных бабушек внуков, и, как это часто бывает, незаметно разговор стал перетекать совсем в иное, абсолютно не логичное начало, русло.

В общем, всё было так.

– Когда уж мы дождемся? – сокрушалась Маринка, разглядывая фото новорожденной.

– Да уж, – вздыхала Светка, демонстрируя снимок присланный младшей сестрой, которая стала бабушкой несколько месяцев назад. – Покажи дочке. Может, это её вдохновит.

– Не-е, ни к чему – отмахнулась Маринка. – Мне спокойствие дороже. Они сами решают: когда и что.

– Ой, так если мы с твоей дочерью двоюродные сестры по линии твоего мужа, то получается, она тоже бабушка, – захихикала Светка.

– Хрен его знает, – раздражённо ответила Маринка и вдруг вспомнила: – Поздравляю супруга твоего с праздником!

– Спасибо, передавай и своему мои поздравления. – Светка хоть и удивилась резкой смене темы, ведь до праздника было ещё хоть и не совсем далеко, несколько дней всё-таки оставались, но решила его продолжить, а раз уж разговор зашёл о празднике, то почему бы и не завершить его вручением подарков, тем более что у Светки всегда есть в запасе продукция некой всем известной фирмы. Светка полезла в шкаф и достала коробочку мужской парфюмерной воды. – Вот, это ему подарок от меня, передай.

Маринка недовольно повертела в руках коробку.

– Ты продукцию «Евонь» распространяешь?

Светка промолчала, обижено поджав губы, что ещё больше распалило Маринку, и тут, как говорится, «Остапа понесло»:

– Я как-то давно уже говорила тебе, что пользуюсь косметикой и парфюмерией «Лорил» или «Извроше», а «Евонь» не использую. Мужу я покупаю пенку для бритья «Иве"я, гелем он не пользуется. А туалетная вода тоже приобретается хорошего запаха и только не «Евонь»! Вот нафига ты нам этого барахла надарила? Конечно, говорят, что дарёному коню в зубы не смотрят, но как-то обидно, что нам такую дрянь сбрасывают. Или мы такие старые и дурные, что не разбираемся, и нам и так сойдет? Не обижайся, но мы стараемся подарки делать нужные, а не такие, чтобы отделаться.

Тут уж не выдержала Светка:

– Да?! И на фига нам твои эти два пледа 160 на 130, голимая синтетика. Может, это намек супружеской паре на то, что пора спать отдельно?

Короче, рассорились Светка с Маринкой на почве подарков всерьёз, но ненадолго. Всё-таки они же хоть и не кровные, но зато двойные. Чё уж там...

Спирохета

Анатолий Слонопотамов – очень большой начальник. Такой большой, что его присутствие на рабочем месте становится всем заметным ещё в момент перехода через «вертушку» проходной. Худосочного и долговязого начальника всегда много. Чересчур. Вместе с ним в помещение проникает бестолковая суета, ор и пустая трата времени. Многие также замечали, что с его появлением в стенах офиса рабочий процесс начинает пробуксовывать. А ведь Слонопотамов очень болеет за производство и очень старается навести порядок, модернизировать всё, что можно, и даже то, чего нельзя, чтобы было, как говорится, чики-пуки.

Модернизация требует вложений не только сил, но и денег. А где их взять, если их всегда нет?

Только настоящий большой начальник всегда найдёт средства на благое производственное дело. Вот в лепёшку расшибётся, но найдёт. Из-под земли, так сказать, достанет. Ведь у настоящего большого начальника всегда в резерве есть умная мысль. И смекалка! Имелась таковая и у Слонопотамова. Гениальная мысль пришла к нему однажды и поселилась навсегда.

В тот день он проснулся раньше обычного. Ворочаясь в постели, неожиданно для себя нашёл простое, а значит гениальное решение всех проблем – собрать необходимую сумму со своих подчинённых. Грозно поглядывая с высоты собственного роста, Слонопотамов озвучил это самое решение на общем собрании не терпящим возражения голосом.

Народ с собрания расходился медленно и недовольно, никому не хотелось отдавать свои кровно заработанные. Однако к вечеру необходимая сумма была почти собрана. По 500 рублей сдали все, кроме самой противной и самой красивой Алки Неохотовой. Заставить Алку невозможно.

– Не дам! – дерзко улыбаясь, заявила Неохотова, когда уполномоченный по сбору денег Орешкин попытался надавить на её совесть. – Я хожу на работу, чтобы мне платили, а не для того, чтобы платила я.

Алка отвернулась и застучала гелевым маникюром по клавишам компьютера.

– Так я за тебя уже сдал, – попытался воззвать к совести красавицы Орешкин, тревожно осознавая, что поступил опрометчиво.

– Так я же тебя об этом не просила, – не поворачивая головы, сказала как отрезала Алка.

Кроме противной Алки, никто отказаться не рискнул, все побаивались предстоящего сокращения штатов. Никто. Даже пенсионерка Ольга Щербинина, на шее которой тяжким грузом висели нигде не работающий дылда-сын и куча всяких долговых обязательств. Денег Ольге катастрофически не хватало, потому отрывала она каждую копейку, можно сказать, от сердца.

Ольга Щербинина тоже очень большая, другим словом, крупногабаритная и вечно недовольная жизнью. Только в отличие от Слонопотамова её весомость была результатом малоподвижного образа жизни и постоянного похрустывания сухариками как дома, так и на работе. Ольга – дама одинокая, как она говорит, по убеждениям. Также она уверяет, что в молодости была невероятно хороша собой, и желающих на ней жениться тоже было хоть отбавляй. Возможно, что всё так и было, но теперь никто об этом, кроме неё самой, не помнил.

Отдавать деньги Щербининой ужас как не хотелось, но позволить себе такую же смелость, какую позволяла Неохотова, не могла. Во-первых, она так же, как и другие, боялась предстоящего сокращения, а во-вторых, ей очень нравился Орешкин, и выглядеть в его глазах скупердяйкой не хотелось. Скрепя сердце Ольга деньги сдала, но в душе образовался осадок недовольства и собой, и Слонопотамовым, и Неохотовой, ну и жизнью в целом.

Мысль Слонопотамова была гениальна не только своей простотой решения проблемы, но и многообразием её применения. Теперь любые производственные задачи, которые нуж-

дались в материальной подпитке, так и решались – добровольно-принудительным сбором денег с подчинённых. Народ недовольно бурчал, но открыто выступать побаивался. Необходимую на нужды сумму Орешкин делил на весь штат сотрудников, исключая только Неохотову. О пятистах рублях дополнительно, которые он по глупости сдал за неё в первый раз, вспоминал часто и болезненно.

Особенно недовольство гениальной мыслью начальника росло у Щербининой и достигло таких размеров, что молчать она уже была не в силах. А так как высказать свой протест открыто побаивалась, то хватало её только на тихие возмущения в присутствии противно смелой Неохотовой. Алка при этом хихикала, не прекращая барабанную дробь по клавиатуре.

– Спирохета, – выпалила Щербинина, хрустя сухариком.

– Чиво? – наконец оторвалась от монитора Неохотова и захлопала нарощенными ресницами.

– Того. Ненавижу его. Спирохета бледная. Чтоб он себе ноги переломал.

Что такое спирохета, Алка узнала только вечером, когда залезла в интернет. На картинке спиралью извивалась увеличенная в сотни раз бактерия, являющаяся возбудителем сифилиса. «Фу», – подумала Алка, сразу почувствовав отвращение к начальнику.

Щербинина не была колдуньей, о чём очень жалела, просто была зла на весь свет, потому что ей очень не хватало денег. А вот будь у неё деньги...

И вот наступил главный мужской праздник – 23 февраля. Главный даже для тех, кто никогда не служил и служить не собирался. В этот день женщины должны поздравлять всех мужиков без исключения и подарки дарить. Иначе в отместку могут сами остаться 8 марта без подарка. Всё справедливо.

Слонопотамов погулять любил, и День защитника Отечества всегда отмечал бурно. Сначала попарились с мужиками в сауне, потом завалились в «Пивасик». Хорошее место «Пивасик», там не только пивом единым пьян человек. В общем, к двадцати трём часам из ресторанчика они с Кроликовым и Петюниным выползли на бровях.

Ох, и капризной же выдалась третья декада февраля. Вчера ещё плюс 3, оттепель и лужи, а сегодня к вечеру, оп! и минус 6. Предусмотрительно очищенная таджиком Абдуллахом плитка возле «Пивасика» покрылась нанослоем льда. Держась за стеночку, Слонопотамов выкинул на крыльцо длинную ногу. В дверном проёме, пошатываясь, показалась щуплая фигура Петюнина. Очки верного сотоварища сползли на бок, а короткая чёлка, оцетинившись всеми своими пятью волосинами, возбуждённо торчала вверх, нарушая идеально-смоделированную накануне стрижку.

– Тебе помочь? – услужливо проикал Петюнин, еле держась на ногах.

– Себе помоги. Я в норме.

Слонопотамов оттолкнулся от стены и уверенно, как ему показалось, ступил на плитку. То ли толчок был чересчур сильным, то ли подошва ботинка не была рассчитана на нановыкрутасы погоды, то ли злость Щербининой возымела-таки колдовскую силу, но наутро пришло известие – начальник сломал ногу. И не просто сломал, а в нескольких местах. Хотя скорей всего это было преувеличение, но Ольга Щербинина клялась своим здоровьем, что не меньше, чем в трёх местах.

– Подумаешь, – фыркнула Неохотова, – вот если бы он сифилис подхватил...

Прелести третьей рисочки

Василиса Печёнкина в девичестве Светкина собиралась стать матерью. Свою долгожданную беременность Василиса носила, гордо выпятив живот вперёд, с того самого момента, как третья рисочка на полоске теста окрасилась в бледно-розовый цвет. С Геннадием Печёнкиным они были женаты уже три года, и всюду сующие свой нос родственники не упускали момента, чтобы напомнить молодым, что как бы уже и пора.

Гордая Васька ткнула в лицо ничего не подозревающему мужу свидетельство своей оплодотворённости и, сразу почувствовав, как изменился внутри неё центр тяжести, выгнула спину. Геннадий Печёнкин новость принял со свойственным настоящим мужикам самообладанием, лишь коротко бросив обычную для него фразу: «Я знал». Василиса погладила тощий животик, достала календарь и обвела ярко-синим фломастером кружок вокруг цифры 10.

Быть беременной поначалу Василисе очень даже нравилось. Беспокоило только одно – всё было как-то уж слишком гладко: ни тебе нервных срывов, ни тошнيلовки, о которых говорили все программы для беременных. Даже солёных огурцов не очень-то и хотелось. Вася спокойно шупала живот и даже пару раз пыталась вызвать у себя рвотный эффект, но всё без толку.

Настоящие прелести беременной жизни начались с появлением шарообразной выпуклости, которая перестала вмещаться в джинсы. Василисе стало казаться, что никто её не любит и никому она не нужна. Она капризничала, изводила мужа истериками, требовала особого внимания и изобиловала странными прихотями. То ей хотелось извёстки, то угля, то куска замороженной воды. Она с упоением нюхала сначала мужнины резиновые кеды, потом бутылку с керосином, а когда и то и другое перестало удовлетворять её обонятельные потребности, переключилась на пузырьёк со скипидаром. Повезло только с гастрономическими пристрастиями – беременная Василиса никаких особых изысков не требовала, хотелось пищи хоть и не полезной, но простой, и в очень больших количествах.

Генка стоически переносил странности жены, самоотверженно отправляясь за срочно понадобившимися продуктами в любое время дня и ночи, невзирая на непогоду и неурочный час. Однажды он просто забыл в машине свой мобильный телефон, когда вернулся, на дисплее светилось 11 звонков и 145 сообщений.

Глядя, с каким аппетитом жена за один присест поглощает недельный съестной припас, Геннадий успокаивал себя мыслью, что это не навсегда.

– У вас перебор веса, – обыденным голосом отчеканил гинеколог после того, как стрелка на весах замерла на 60 килограммах.

– Доктор, мне всё время чего-нибудь хочется. Я ем и не могу остановиться.

– Придётся посидеть на диете. А чтобы вы не нарушали режим питания, я направлю вас в отделение гинекологии. Полежите, пока всё не нормализуется.

Так Василиса попала в палату, где кроме неё отбывали наказание ещё три женщины. Невысокая голубоглазая, похожая на куклу брюнетка Наташа Пузыкина должна была в скором времени разродиться. На сохранение её положили из-за огромного живота, который мешал спать. Для этого из отделения патологии прикатали специальную кровать с приподнимающейся спинкой. Женщине приходилось обкладывать своё тело многочисленными подушками и спать сидя. Это было неудобно, к утру Наташа всё равно съезжала со спинки вниз и, скрючившись на остатках горизонтальной поверхности, мучительно похрапывала расплюснутая собственным животом.

Следующую кровать рядом с ней у стеночки занимала рыжая, усыпанная коричневыми конопушками деревенская бабёнка, Ксения Хохотушкина. Дородная тётка лежала с осложнением после аборта.

– Зови меня просто Ксю, – серьёзным тоном представилась Хохотушкина, как только Вася вошла в палату. – Кролика будешь?

Василиса подумала, что диету начнёт завтра, а потому отказываться от деликатеса не стала. Ксю развернула обвязанный белым вафельным полотенцем чугунный казанок, вынула розовую в сметанных разводах кроличью ножку и протянула Василисе. Кролик оказался невероятно вкусным, и Вася, плотоядно поглядывая на чугунок, сразу прониклась к пышнотелой Ксю симпатией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.